

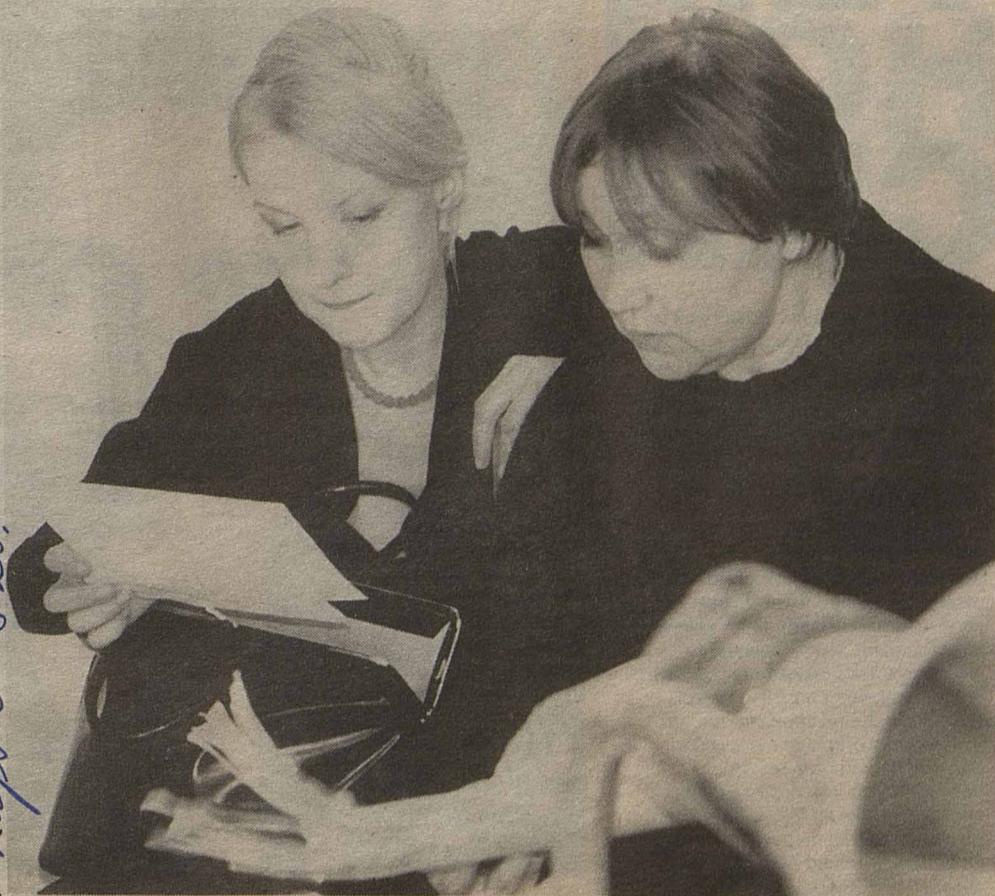
В Петербурге и Москве состоялась премьера картины «Небо. Самолет. Девушка» – первые тысячи зрителей начинают плакать. На очереди – вся страна.

«Три четверти экранного времени заполнены Ренатой Литвиновой, говорящей текст, написанный Ренатой Литвиновой, стало быть, дело нехитрое: мила вам Литвинова – понравится и фильм, не мила – не раздражайте себя понапрасну».

З Р И Т Е Л Ь

улетная девушка

Москва, 17 марта – С. Бб.

Девушки в самолете: Рената Литвинова и Инга Стрелкова-Оболдина

К И Н О

Вероятному успеху картины немало способствовало, не ведая того, государственное телевидение, которое так перекормило зрителя страданиями юных бандитов и уголовным шансоном, что простая история из частной жизни хороших людей ощущается на вкус, как чашка доброго старого чая в приличном обществе после баланды на зоне.

В основе сценария – мотивы знаменитой пьесы Эдварда Радзинского «104 страницы про любовь», которая сорок лет назад тайфуном прошла по стране, и, говорят, многие актеры влюбились друг в друга прямо на сцене. Неудивительно: пьесу писал влюбленный драматург, а его муза, Татьяна Доронина, пела и шептала на экране сочиненный Радзинским текст – бедное, но гордое счастье, известное драматургам еще со времен А.Н. Островского (безнадёжно любившего актрису Никулину-Косицкую – «Гроза» была написана для нее). И так, с Дорониной

землянам в который раз было явлено чудо женственности – столь же обольстительное, сколь и обреченное.

Нынешнее чудо женственности, Рената Литвинова, обходится без влюбленных драматургов. Пьесу Радзинского она переписала самостоятельно – хотя последовательность событий сохранена (она и он, знакомство, цепь встреч, несовпадения и примирения, гибель героини в финале), диалоги, конечно, чисто ренато-литвиновские, комичные, безумные, трогательные, путаные, где сквозь потоки и ворохи вроде бы случайных, поэтически нелепых, цветастых фраз вдруг сверкают слова удивительной чистоты и точности.

Фильм «Небо. Самолет. Девушка» поставила режиссер-дебютант Вера Сторожева, но, признаться, вычислить из увиденного особенности ее творческой манеры трудно. Три четверти экранного времени заполнены Ренатой Литвиновой, говорящей текст, написанный Ренатой Литвино-

вой, стало быть, дело нехитрое: мила вам Литвинова – понравится и фильм, не мила – не раздражайте себя понапрасну.

Последний раз мы видели нашу чаровницу в «Трех историях» Киры Муратовой, где она холодно сверкала в роли демонической медсестры Офелии (потом была уморительная автопародия, Альбина в «Границе» Митты, но это все-таки масскульт, не художественный кинематограф). Нынешняя Литвинова сильно очеловечилась и раздemonизировалась. Никакой искусственной красоты, никакого ледяного сияния, никакой модельной самолюбленности – стюардесса Лара в исполнении Литвиновой выглядит славной, чуть вычурной, несколько странной девушкой с заплаканными глазами и повадкой усталого ангела. Чертовски привлекательная, она давно и привычно несчастлива, и случайно встреченный в баре паренек (Дмитрий Орлов, озвученный Константином Хабенским) для нее – что-то вроде соломинки, за которую хватается утопающий. Как говорила чрезвычайно близкая Литвиновой героиня, Бланш Дюбуа из пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание», «я всегда зависела от доброты первого встречного». Первого встречного зовут Георгий, он хорош собой, добродушен, туповат, ревнив, эмоционально неразвит, помешан на своей работе, короче говоря – мужчина. Любит, как умеет, в отпущенную меру – этой меры хватило бы на спокойную обыкновенную семейную жизнь, но не хватает, чтобы спасти героиню от смерти.

Героев картины окружает пустота – пустое небо, пустые аэровокзалы, «пустые города, пришедшие, увы, в упадок навсегда», и, кажется, длинная тонкая фигурка мечтательной Лары, небесной ласточки в красных сапожках, с трудом удерживается на поверхности недоброй земли. Чувствуя свою обреченность, она просит любви как лекарства от пустоты, от небытия; сиротским задыхающимся голоском поет знаменитую песню о том, что «Звать любовь не надо, явится нежданно»; сама себя морочит, чтобы поверить в счастье, которого нет и быть не может. Черный в белый горошек платок на голове у Лары и скромное золотое колечко с искусст-

венным рубином у нее на пальце (ширпотреб 70-х) вроде бы подчеркивают преимущество литвиновской героини по отношению к ее советским предшественницам. Но ее «старшие сестры» по кинематографу были куда сильнее укоренены во времени, в быту, в культурном контексте – Литвинова же выглядит Незнакомкой, Неизвестной, Девушкой Ниоткуда, явившейся в пейзаж культуры после больших катастроф. Собственно говоря, мы не знаем, что нам делать с Литвиновой. Вот на что она нам? Ее бы в шелка завернуть и на сцену «Мулен Руж», как Николь Кидман, ей бы буржуазные бриллианты навесить и в хорошей компании какие-нибудь наши «Восемь женщин» снять... размечтались. Смотрите на то, что есть – на Литвинову бедную, печальную, очеловеченную. Все равно в ней есть то неистребимое сияние, которое отличает настоящих звезд и преображает их – кстати сказать, часто неправильные – черты лица. Но тут уж не черты лица, а черты лица, ничего не попишешь – держит Литвинова картину властно и бесспорно.

Рядом с литвиновской Незнакомкой, с того света бортпроводницей, существует Знакомка, ее подруга Мышь, в превосходном исполнении Инги Стрелковой-Оболдиной. В этой коренастой, вечно недовольной девушке знакомо все, и все ее нехитрые душевные движения ясно отражаются в круглых цепких глазах. Взять хотя бы ту милую деталь, что при вынужденной остановке в гостинице Мышь прячет сумку под подушку и ночью вскакивает, дабы пересчитать с трудом накопленную денежку. Живучая как сорняк, корыстная и завистливая, земная, даже земляная, Мышь на свой лад трогательна – и наивными хитростями, и глупеньким прагматизмом, и нелепой истерической любовью к командиру (Михаил Ефремов, на удивление, еще не потратил запас природного обаяния). Здесь убедительно сравнены два вида женской несчастья, поправимый и непоправимый. Мышь еще может повезти, поскольку все, что она хочет, достижимо и есть на земле. Ларе повезти не может, ибо то, чего хочет она, находится за чертой земного опыта. Не научились еще земляне понимать друг друга без слов и заранее чувствовать, сколько нашим встречам отпущено времени.

В стилистике фильма я нахожу некоторое сходство с ранней картиной Киры Муратовой «Короткие встречи» с той немаловажной разницей, что у Муратовой всегда разработан не только первый план, но и второй, и третий (множество лиц, мелких происшествий, общий шум жизни), а в «Небо. Самолет. Девушка» написан и воплощен только первый план, и главные герои сильно, даже, по-моему, избыточно укрупнены. Но, возможно, пустота вместо шума жизни и обилие сверхкрупных планов – специальный художественный прием.

Насколько я могу судить, у фильма есть мораль, и заключается она в том, что если женщина просит своего возлюбленного немедленно приехать, то надо вот именно немедленно приехать, поскольку это может быть не каприз взбалмошной натуры, а отчаянный крик обреченной души. Это правило всегда входило в кодекс чести порядочных людей, входит и сейчас. Остается только найти этих людей.

На премьере в Петербурге зал сначала тихо посмеивался забавностям литвиновских диалогов. Потом примолк. Потом стал подозрительно шлюпать носом. Ближе к концу понадобились платочки и салфетки для стыдливого утирания глаз. И немудрено – фильм так тонко укоряет мужчин и так умно льстит женщинам, что слезная дань неизбежна.

Татьяна МОСКВИНА

Литвинова Рената

17.03.03